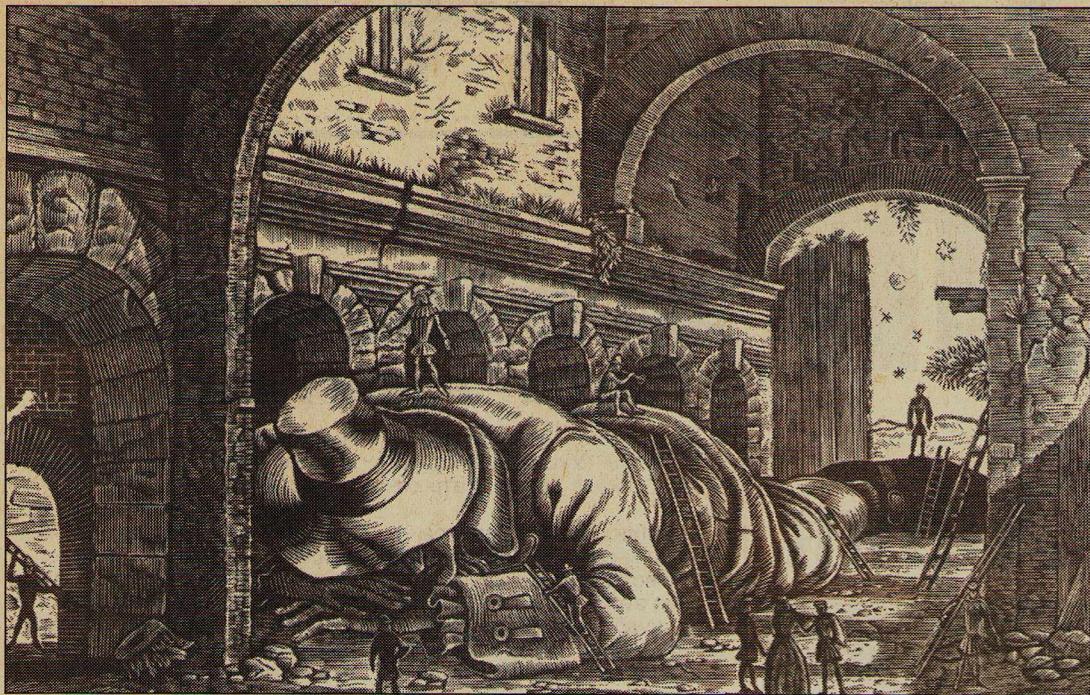

Палитра

МАСТЕРСКАЯ

Евграф КОНЧИН

В крохотной мастерской Сергея Михайловича Харламова под крышей старого дома у Патриарших прудов повернуться трудно. Она заставлена книгами, альбомами, живописными холстами, завалена гравюрами, рисунками, набросками, различным граверным хозяйством. Еле-еле расчистил на столе "пятючок" для блокнота и как-то уместился на неказистом стуле, предварительно что-то с него убрал.

Здесь были созданы основные произведения выпускника (1966 года) Московского художественно-промышленного института имени С.Г.Строганова. Тематический охват его творчества – широк, жанры – самые разнообразные. Сложные многофигурные композиции, портреты, пейзажи – и станковые листы, авторские альбомы, путевые зарисовки, журнальные и газетные рисунки, открытки, декоративное оформление книг. А дипломом были эскизы оформления стен Библиотеки иностранной литературы в Москве в виде декоративных панно с огромными портретами великих писателей, исполненных в ксилографии с металлическими вставками. Но прежде всего Харламов иллюстрирует сочинения русских, советских и зарубежных литераторов.

Лист за листом – передо мной открывается многообразное творчество художника. И уже мне знакомое по выставкам, и впервые увиденное в мастерской. Он работает в добротной традиционной классической технике ксилографии, то есть гравюре на дереве, в какой, например, резал свои гравюры Фаворский. В ней Харламов достиг виртуозного совершенства. Его штрих – чистый, точный и сжатый. Худож-

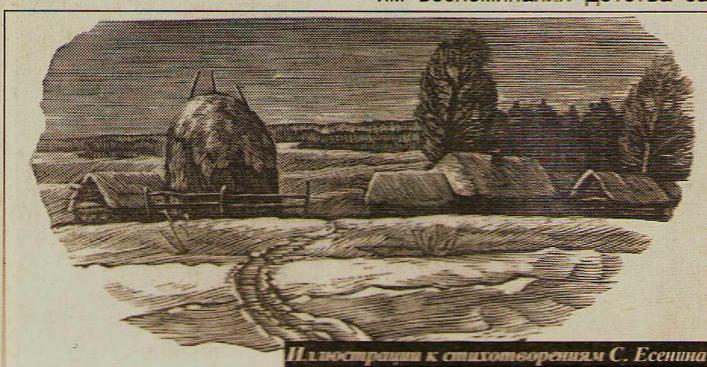
Люблю предрассветный час...

ник тщательно прорабатывает детали, даже в миниатюрных заставках, декоративных буквицах.

Свободное владение штихелем позволяет ему находить различные образные решения – в зависимости от литературного материала. Будь то торжественные, мужественные картины знаменитых исторических событий или почти "заоблачная" поэзия. Но художник не следует послушно тексту повествования, а создает гравюры как бы по его "мотивам", откровенно подчеркивая собственное, вполне самостоятельное видение произведения, его понимание и истолкование.

Именно "по мотивам" в 1975–1977 годах была исполнена первая значительная работа Харламова – 32 гравюры к роману Дж.Свифта "Путешествие Гулливера". Листы лаконичны и в то же время многоплановы и емки. Подчас художник применяет смелые, остроумные решения: показывает часть изображения как бы в лупу или же в двух разных измерениях. Пожалуй, его иллюстрации к популярному литературному памятнику – одно из удачных современных графических прочтений. На международной выставке "Графика

Иллюстрации к стихотворениям С. Есенина

малых форм", состоявшейся в Чехословакии, Харламов за "Гулливера" получил первую премию.

В ином, строгом и чеканном ключе исполнены циклы станковых ксилографий, посвященных Сергею Радонежскому, Отечественной войне 1812 года, "На поле Куликовом", которые вышли отдельными альбомами. В них Харламов показал себя патриотом, страстно воспевающим славные события отечественной истории и ее легендарных героев. И темы национального самосознания, нравственного и духовного возрождения России, ее традиций, ее культуры становятся главными в его творчестве.

Особенно в иллюстрациях к высокой русской поэзии, к вы-

сокому русскому слову: рассказам А.Грина, "Венку сонетов" В.Солоухина, сборнику стихотворений А.Толстого "Колокольчики мои...", к собраниям сочинений С.Есенина (эти гравюры были представлены на соискание Государственной премии) и Ф.Тютчева, к книге М.Пришвина "Я встаю в предрассветный час". Здесь Харламов – утонченный и глубоко чувствующий лирик. Он создает очаровательное графическое, так и хочется добавить, "музыкальное" сопровождение – настолько гравюры напевны, одухотворены, проникнуты какой-то грустной нежностью и лаской.

Смотрю и не могу оторвать глаз от великолепных листов к

радости. Можно соглашаться с трактовкой художника или не соглашаться. Я, к примеру, очень люблю поэзию Тютчева, но понимаю ее совершенно иначе, чем Сергей Михайлович. Однако его графический образ – неординарен, интересен и профессионально безупречен.

С некоторым удивлением рассматриваю Сергея Михайловича. С виду ничем не приметный мужик. Встретишь на улице – не запомнишь. Больше похож на крестьянина. Невысок, плотен, кряжист. Но не прост он, ох, как не прост! И каким даром божьим обладает! Как умеет заглянуть в глубину, в самые затаенные уголки человеческой души и поведать о

гие выдающиеся русские художники, давшие нашей культуре великие произведения, – говорит Сергей Михайлович. – Теперь она вымирает, чахнет, исчезает, остается невостребованной. В основном по экономическим причинам. Издательства, главный наш заказчик и потребитель, отказываются из-за дороговизны от гравюр, исполненных на дереве. Они теперь предпочитают более дешевые рисунки пером, тушью, карандашом. Я, наверное, один из немногих оставшихся приверженцев ксилографии...

Стойкий, убежденный приверженец. Упрямый и упорный, перед трудностями не пасует. И много сделал, и еще сделает.

пришвинскому "Я встаю в предрассветный час". И сюжеты-то обычные, многократно испитые и гравированные: из утреннего тумана постепенно выступают кроны деревьев, кустарник, полевые цветы, появляется, словно из сказки, пастушок со стадом, стоят лошади... Но это не просто хорошо исполненная картинка русской природы, это многозначный образ, в котором воплотились не только размышления и наблюдения писателя в "предрассветный час", но созвучные им воспоминания детства са-

том великолепным графическим языком.

Но наши рассуждения о поэзии и искусстве то и дело сворачивают на прозу жизни, трудности бытия, место художника в сегодняшнем обществе.

– Ксилография – исконно русская техника графического искусства. В ней работали мно-

Уже перед уходом, у самой двери, я неожиданно даже для себя спрашиваю Сергея Михайловича:

– А вы рано встаете?

– Да. Рано. Люблю предрассветный час...

Почему-то я был в этом уверен.

Иллюстрации к "Путешествиям Гулливера"